

Экран и емена. - 1993. - 16-23 дек (250)- c. 16

копает, и кабачок становится самым бойким местом, где все пробуждаются от сонной провинциальной одури. Сюда приходят не для того, чтобы напиться,— чтобы освободиться от тоски и скуки, чтобы избыть одиночество.

Но, брошенная пригретым ею душевно изломанным братцем, она с яростью рвет все связующие ее с людьми нити, отваживая опешивших посетителей, хриплым, глухим голосом бросая им в лицо: «Пять центов за бутылку, а доллар за то, что на меня посмотришь. Доллар за то, чтоб посмотреть на чудише!»

И когда в финале под песнь каторжников она словно превращается в каменного истукана, сев у закрытого, разоренного кабачка, в котором погребет себя заживо, понимаешь: роль эта — о мучительной недоговоренности между людьми, о вынужденной их отчужденности, о жизни, которая не по мерке и теснит, как пыточный сапог, о силе, поверженной ничтожеством и слабостью.

С Амелией Ивенс странно перекликается вызывающая гомерический хохот и нежданное сочувствие Мать в «Назначении» Александра Володина. Жена вышедшего в тираж номенклатурного работника, начисто лишенного слуха и служившего большим начальником по музыкальной части, привыкшая быть патронессой известнейших исполнителей и композиторов, она теперь, что рыба на мели. Советская гранд-дама быстро выродилась в непричесанную рыжеволосую, как клоун, распустеху, вечно ходящую в шлепанцах и в халате с кистями, вечно изводящую своего мужа и могущую всех довести до белого каления тем, что встревает всегда, когда не надо, и все говорит невпопад и некстати. Но и в этой отставной командирше живет чувство затаенного одиночества.

АКТРИСА, НЕ ПОХОЖАЯ НА СЕБЯ

Воспользуемся счастинной возможностью — наступающим Днем рождения — и скажем Галине Борисовне Волчек, Гале Волчек, все то, что с удовольствием сказали бы в любое время, но приберегли для этого.

Скажем, что фен, собравшнеся у ее колыбели, были добры. Одарили ее умом, талантом, обаянием, щедростью, дальновидностью, беспечностью и трезвостью.

Подарили ей или только наменнули, а она намен услышала,— призвание, для которого, точь-в-точь, как по мерке, пришлись все их

дары.
Призвание, которое она угадала, которое почувствовала, потребовало от нее самоотречения, фен подарили ей и этот высокий и горький дар.

Почему мы заговорили о горечи? Вместо того, чтобы вспомнить, как ватага молодых и одаренных людей, среди которых была она, создала театр «Современник», едва ли не мгновенно ставший любимцем публики? И одной из самых любимых была она — актриса, а потом и режиссер, — подарившая залу счастливые минуты единения и восхищения сценой. Эти чувства овладели нами с первого же по-

Этн чувства овладели нами с первого же поставленного ею спектакля «Двое на качелях», с первой же сыгранной ею роли— Нюрки-хлеборезки. Она работала талантливо, и казалось, что все дается ей легко, играючи. Но, может, так было на самом деле?

А потом на ее плечи легла непомерная ноша — Театр, и все заботы, которые сразу же, не давая ни минуты передышки, заполнили ее жизнь, жизнь главного режиссера. Она приняла эту ношу, не уклонилась от нее. И вот уже, более дваддати лет вместе со старыми своими друзьями, первыми современниковцами и современниковцами молодыми, избравшими ее, правит бал в Белом доме с колоннами, что стоит на Чистых прудах.

Творческий путь Галины Волчек кажется парадоксальным. Она умеет с огромной пользой для актеров «умирать» в них, но мы в самых разных постановках — от «Обыкновенной истории» до «Эшелона», от «На дне» до «Нрутого маршрута» — легко узнаем ее индивидуальность, то время, как в ее ролях нередко нельзя усмотреть ни малейшего сходства с их создательницей.

Волчек обладает талантом абсолютной полноты

Волчек обладает талантом абсолютной полноты перевоплощения. Невозможной, чуть ли не непозволительной степенью объективности. Выводит порой оборотней, «мутантов» из каких-то дремучих углов жизни или подсознания. Так совсем молодая актриса, с мастерством, озадачивающим своим совершенством, играла Нюрку-хлеборезку в «Вечно живых» В. Розова и бабку Галчиху в «Без креста» В. Тендрякова, выведя на сцену два немыслимо-гротескных, страшных и неопровержимо реальных создания.

В том возрасте, когда многие исполнительницы пуще всего озабочены тем, как продемонстрировать в свете рампы свои прелести, Галина Волчек была одержима невероятной самоотверженностью, своего рода самоотрицанием во имя дерзких замыслов. Это было ярчайшее на моей памяти воплощение зла, сошествие в ад — не за невинными жертвами, а за чудищами, чтобы лишить их укрытия, вывести на свет божий.

Не случайно проницательная Инна Соловьева в Нюрке-хлеборезке — «в этой материальнейшей бабе... с ее шиком 42 года — сверкающими высокими ботами, чернобуркой и стегаными плечиками под голубым жоржетом в цветочках», сразу разглядела что-то инфернальное. Нарумяненная, натянувшая на раскормленное тело кричащее платье, загребающая наглыми руками воровки все, что ей приглянулось, и еду со стола, и партнера на танцах, — она стала апофеозом почуявшего власть денег хама, превратилась в распоясавшееся чудовище.

И такой же устрашающей материальностью обладала ее мрачная, как сгусток ненависти, Галчиха. Примечательно, что едва ли не без исключения критики зафиксировали врезающийся в память пластический облик роли, запечатлев «согнутую рыхлую фигуру, отвисшие толстые губы, которые не умеют и не хотят улыбаться (В. Калинина); «глубокие борозды морщин и впадины упрямых, еле мерцающих глаз» (Ю. Головашенко), в которых плясали «злые, исступленные огоньки» (К. Щербаков). И впрямь

нельзя забыть злое кипение белков и взглядов, бросаемых из-под черной косынки, склоненную набок голову; тяжелую поступь; медленную, словно она ворочает языком булыжники, речь; грузные натруженные руки этой дюжей крестьянки, способной с полной невозмутимостью и с сознанием своей священной правоты довести до самоубийства собственного внука. Волчек воплотила в Галчихе омерзительную фанатическую убежденность, не желающую, не умеющую считаться с живой жизнью, давящую ее всей своей свинцовой тяжестью во имя веры в то, какой жизни быть надлежит.

Роли эти были сыграны с бескомпромиссной откровенностью, без малейшего романтического флёра, в той или иной мере приукрашивающего или смягчающего зло. Играя злых, Галина Волчек не искала, в чем они добрые, будто вняв голосу истории страны, в котором слишком долго искали добро во зле. Она явила зло в чистом виде, в исполинской жути. В средние века, когда плохо понимали разницу между образом и исполнителем, ее сожгли бы как ведьму, и были бы кругом неправы — актриса изображала, как сказали бы атомицики, такое превышение критической массы зла, что происходило его самоуничтожение.

Но и в таких персонажах, как Галчиха, бросалась в глаза их огромная сила.

Другие роли Галины Волчек показали, что с силой ее художнической ненависти может поспорить только раскрываемая в ее героинях сила любви.

Она сообщила трагическое звучание игре актрисы в «Балладе о невеселом кабачке» Эдварда Олби. История великанши, сошедшейся с карликом, стала для Волчек историей великой, хотя и деформированной бытом глухой провинции души. У Амелии Ивенс грация слона в посудной лавке, ибо она — Гулливер в стране лиллипутов. Слишком земная для всяких там грез и фантазий, она наделена мощнейшей — слишком мощной — тягой к полноте жизни и счастья. В неотесанной, неуклюжей мисс Амелии, отмеченной какой-то грубой меткой, как братец Лаймон — горбом, таятся слишком большие залежи доброты — в ней всего слишком много, чтобы она могла быть как все.

И когда она обрушивает на братца Лаймона безмерную материнскую нежность и никем не разгаданную женственность, начинает казаться, что ей все нипочем — она массажирует горб братца, стряпает,

И когда оно прорывается наружу, в фарсовой героине Волчек обнаруживается щемящая драматическая нота. «Я знаю, я стала ужасная... А когда-то я была веселая девушка, я вообще легкий человек в общежитии, со мной все уживаются. Я участвовала в самодеятельности, я умела делать фокусы!» Она кочет развеселить всех и воскресить свое былое веселье, но комок подкатывает к горлу, когда перед делающей потешные пассы руками Матерью, за несколько мгновений проходит вся ее обернувшаяся нелепицей, ставшая никому ненужной жизнь.

нелепицей, ставшая никому ненужной жизнь.

Тема потешной и горькой игры, быстро и ярко мелькнувшая в этом эпизоде, становится главной в одной из великих ролей, созданных драматургией XX века — в роли Марты в «Ито боится Вирджинии Вульф?» Эдварда Олби.

Не зря первые слова Марты — цитата из фильма: героиня Волчек все время из себя кого-то выделывает, откровенно чем-то прикидывается: то кинозвездой, то светской и свойской хозяйкой гостеприимного дома, то бой-бабой, домашней тиранкой, вздорной скандалисткой, грубо понукающей мужем Джорджем, то секс-бомбой, пожирающей мужчин в соку. Она властно, как пристало ректорской дочке в университетском городке, распоряжается всеми, вызывающе хмелеет, утаскивая перед носом Джорджа молодого гостя в свою спальню, куражится безудержно и беспардонно. Но, странное дело, чем сильней этот пьяный кураж, чем откровеннее озорной бес игры превращается в злого, беспощадного духа надругательств, тем неминуемее крепнет в нас чувство, что Марта беспрерывно меняет обличья, потому что готова быть кем угодно, лишь не сама собой.

Прямо посмотреть на себя, трезво понять, что лучшие надежды рухнули, что жажда материнства не будет утоленной, невыносимо. И когда обрывается устроенный бойкой Мартой крикливый и непристойный карнавал, когда в сущности падают все маски, в наступившей томительной тишине ее онемевшее лицо начинает казаться еще одной личиной — трагической личиной, навсегда обожженной загнанным внутрь страданием.

В этой, пока, к сожалению, последней театральной роли, не часто выходящей на подмостки Галины Волчек, она вновь показала, что такое неповторимая всамделишность и правда полнокровного характера.

Из заветов Станиславского ей близко не «я в предлагаемых обстоятельствах», а интерес «художественников», да и вообще великой русской культуры, к «не я», к другому. Она никогда не занималась прямолинейным самовыражением, зато придавала невероятную выразительность чужим судьбам.

Они крайне интересны сами по себе, она же сама по себе необычайно интересна— на каждой творческой встрече или просто в беседе, в каждом появлении на телеэкране.

В любых таких встречах интеллигентная и элегантная, уверенная в своих продуманных суждениях и все же чуть застенчивая, так и не нажившая матерого апломба, Галина Борисовна предельно обаятельна и искренна; в своих же ролях она предельно опосрепованна.

Есть много актрис лиричнее ее, она редко бывает на сцене лиричной, но я не знаю другой актрисы такой эпической мощи, создавшей героинь, которые как классические образы живут своей самостоятельной жизнью и все же носят печать ее редкого дара.

Видас СИЛЮНАС.